

Дорога из желтого кирпичика

Дарья КОРОБОВА

Один из мотивов, сопровождающих Вячеслава Полунина в России, — это ожидание. Он улетел на самолете в далекий Лондон, но обещал вернуться. Те, кто не попал на его "Snow Show" во время Театральной Олимпиады, дожидались возможности повторить попытку целых два года. Теперь Полунин играл почти неделю на площадке театра имени Маяковского и вроде как собирается набирать спецкурс в РАТИ.

У Полунина всегда было множество планов, связанных с Москвой. Не то чтобы ничего не вышло: два грандиозных уличных фестиваля — "Караван мира" и уличная программа Театральной Олимпиады имели место, и после этого другой театр многим все еще кажется пресным. Именно Полунин привез в Москву Лео Басси, Йозефа Богнера, Джанго Эдвардса и — сам, путем познавательного сравнения, оказался вписанным в контекст мирового лицедейства. Сравнив, о сравнении забыли, ибо там, где речь заходит о больших, ни на что не похожих индивидуальностях, никаким сравнениям, никакой иерархии нет места. Они есть, их мало, они разные. И довольно об этом.

Наконец, Полунин дождался. И убедились, что он по-прежнему принадлежит театру и только ему. Не цирку, не эстраде. "Snow Show" — представление абсолютно театральное, существующее только лишь в театральном пространстве и по законам театрального бытия. Сцена, сценография, портал, свет, звук, кулисы, штанкеты. Актеры, наконец. Публика в партере. Публика на галерке. И снова — ожидание чего-то необыкновенного.

"Snow Show" — постановка особенная, и в первую очередь, для самого Полунина. Теперь в Москве сыграли тысячный спектакль, ему минуло десять лет. Это шоу —

как живой организм: с возрастом оно где-то теряет в обаянии, где-то в непосредственности, где-то, наоборот, приобретает взрослую мудрость. Остальные проекты Полунина сейчас в работе, для зрителей их пока не существует. А этот спектакль — жив-здоров, ездит по миру, меняет оттенки. Все больше и больше тяготеет к простоте высказывания. Его материя настолько тонка, что вот-вот растворится в воздухе. В самом начале еще кажется, что постановка составлена из отдельных номеров, формально связанных только полунинским "лирическим героем", Желтым клоуном. Однако после догоняет ощущение, что все это — одно путешествие, одно хождение по миру, одна двухчасовая одиссея. Жанр старинный и мифологический. И то, что рассказывает со сцены клоун Полунин, — не сказка даже, а миф. Об одном человеке, потерянном в пространстве и среди людей.

Все "номера" известны. Они узнаваемы по первым звукам музыки. Вот на площадке возникают два телефона, публика трепещет в ожидании Асисия, у которого любовь. Однако нет, этого не случится. Слишком узнаваемые приметы давнего номера так и не прозвучат. Полунин, сохраняя

конструкцию спектакля, бежит от самоповторов, грозящих превратиться в клише. Что будет, так это простой и достоверный диалог, который так ничем и не окончится. Потому что нет ему конца. Он повторится в номере со свистульками. И в номере с ботинками, только уже без всяких звуков. И в номере с вешалкой. Полунин утверждает, что артист, выбравший однажды дорогу лицедея, обречен на абсолютное одиночество. Тема двоих в поисках человеческой близости для него болезненна. Более того, она универсальна.

Расшифровывать полунинский спектакль — дело неблагодарное. Именно потому, что ничего-то в нем не зашифровано, не укрыто за сценической метафорой или хитрым приемом. Можно, конечно, сильно-сильно напрячься и разглядеть в номере о голубых канарейках целую историю о непонимании художнике, шагающем не в такт с другими. Впрочем, это будет форменное безобразие, тот случай, когда излишнее напряжение идет во вред. Большинство полунинских номеров (такие, какие они сейчас) настолько элементарны по форме и прозрачны по "посылке", что не оставляют мощного зрительского впечатле-

ния, а только мгновенный первичный отклик едва не на физиологическом уровне. Что важно: в "Snow Show" нет слов, но есть "память тела", драгоценность единственного прикосновения, единственно верного скупого движения души, а следом и тела. Чем дольше жив этот спектакль, тем более скупое это движение. За десять лет и сам Полунин сделал несколько трудных шагов по лицедейской дороге в направлении того, что единственно драгоценно. Спектакль жив потому, что он — своеобразное исследование не только и не столько жанра, сколько вот этого движения.

Однако "Snow Show" — все же show, и show театральное. Расстроиться нужно всякого. Необыкновенное должно случиться. Зритель не должен остаться только лишь сопереживающим наблюдателем. Здесь Полунин не хитрит и никого не обманывает, не скрывая намерений, не пряча способов воздействия на публику. Он апеллирует к человеческой сентиментальности, он пугает, он печалит и смешит. В ход идут безотказные средства: гигантские надувные шары, запущенные в зал; полив водой из различных сосудов; посыпание бумажным снегом; даже "Карми-

на бурана" Карла Орфа, на чьи мощные аккорды не отозваться практически невозможно. Вот что любопытно: Желтый клоун так и остается одиноким и отстраненным героем в этом умеренном театральном буйстве. За всю внешнюю динамику спектакля в ответе другие персонажи, Зеленые. Они разбредаются по залу во время антракта, они не уходят с площадки, пока не укачутся за кулисы последний цветной шар, они щекожут, поливают и тискают зрителей, тормозят их и будят. Они воссоздают эффект "вместе", эффект абсолютной причастности к происходящему на сцене. А Желтый — он знает себе бредет по своей дороге, пока наконец не очутится в заколдованном зимнем лесу. Теперь уже совсем один, среди темноты и страшных звуков. И лес вдруг зашевелится, задрожит, загрохочет, и Желтому откроется такое... Такое...

И это тоже не нужно расшифровывать. Может, это вообще смерть. Скорее всего.

Полуниным уже сыграна тысяча спектаклей "Snow Show". Десять раз по сто. Сто раз по десять. Когда-нибудь эта постановка и вправду станет кристально прозрачной и растворится в воздухе, оставив разноцветный хвост кометы и сугробы бумажного снега. Кажется, в ней уже чувствуется некоторая усталость от ее собственной долгой десятилетней жизни. "Snow Show" не является спектаклем-историей, это спектакль-исследование, спектакль-путешествие. Не то чтобы он стареет, просто устает, потому что в подобном путешествии не бывает отдыха. Не нужно удивляться, если вскорости закончатся сугробы и впереди появится дорога из желтого кирпичика.

• Сцена из спектакля "Snow Show"

Фото В.ЛУПОВСКОГО

Фрагмент и сцена.